

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**КНИГИ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ «АЗБУКА-АТТИКУС»**

Туннель в небе. Есть скафандр — готов путешествовать

•
Фрайди. Бездна

•
Астронавт Джонс. Время для звезд

•
Чужак в стране чужой

•
Луна — суровая госпожа

•
Красная планета. Звездный зверь

•
Кукловоды. Дверь в Лето

•
Марсианка Подкейн. Гражданин Галактики

•
Иов, или Комедия справедливости

•
Небесный фермер. Среди планет.

Космическое семейство Стоун

•
Достаточно времени для любви,
или Жизнь Лазаруса Лонга

•
«Магия, инкорпорейтед». Дорога Доблести

•
Кот, который ходил сквозь стены

•
Двойная звезда. Звездный десант

**РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН**

**Двойная звезда
Звездный десант**

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
X 15

Robert A. Heinlein
DOUBLE STAR
Copyright © 1956 by Robert A. Heinlein
STARSHIP TROOPERS
Copyright © 1959 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

Перевод с английского
Александра Етоева, Михаила Пчелинцева, Дмитрия Старкова
(«Двойная звезда»),
Геннадия Корчагина («Звездный десант»)

Серийное оформление Сергея Шикина

Оформление обложки Владимира Гусакова

Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева

*Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold)
за активную помощь при подготовке книги.*

- © А. В. Етоев, перевод, 1993
- © Д. А. Старков, перевод, 1993
- © М. А. Пчелинцев (наследники), перевод, 1993
- © Г. Л. Корчагин, перевод, примечания, 2019
- © С. В. Голд, предисловие, послесловие, 2019
- © Е. М. Доброхотова-Майкова, примечания, 2019
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-15191-8

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

Гибель Первого поселения на Марсе трагически и недвусмысленно подтвердила: человечество не одиноко во Вселенной и почетного места в президиуме для него никто не резервировал. По счастью, в семидесятых годах XX столетия у Земли не было ресурсов на жесткий (и бессмысленный) ответ. Для того чтобы проводить в космосе политику Большой Дубинки или Дипломатию Канонерок, нужны были иные мощности и иные технологии. Так что марсианам и обитателям Венеры повезло — человечество было склонно к толерантности и неспешному решению проблем. А землянам в свою очередь повезло, что вместо марсиан они не встретили более предприимчивых обитателей Финстера или Клендату. Поэтому первая космическая война вспыхнула лишь полвека спустя. А пока человечество словно вернулось на тысячи лет назад: оно открывало новые земли, заключало союзы с туземцами, создавало колонии и расширяло свои владения. У земной цивилизации снова появилась Метрополия, Провинции и узкая полоска Фронтيرا на краю освоенной Ойкумены.

Окраины, как водится, привлекали людей либо безрассудных, либо предприимчивых. Тех, кого устраивало полуварварское существование, минимум законов и возможность решать экономические и социальные проблемы выстрелом от бедра. В центре же кипели страсти иного сорта: там непрерывно делили власть и экспериментировали с формами правления. Человечество металось между монархией и анархией, но с неизбежностью возвращалось к той или иной форме демократии. Возможность выбирать и сменять своих правителей манила его как память о счастливых годах античного младенчества — и человечество снова и снова пыталось пришить на себя изношенные пеленки.

Впрочем, ностальгия владела лишь небольшой частью населения. Основную массу политика интересовала только в одном плане: «играйте в свои игры у себя в песочнице и не лезьте в мои дела». Эти люди появлялись на политической арене лишь тогда, когда государственная машина ломалась или упиралась в тупик, — и тогда они брали в руки камни и бейсбольные биты и принимались ее чинить.

А в остальное время политическую погоду делали активные избиратели — азартные болельщики, те, кто воспринимал политику как еще один вид спорта, или же те, кто видел прямую зависимость своего положения от расклада политических карт. Не обладая реальной властью, эти люди тем не менее играли важную роль в демократической системе: они были фильтром, не пропускавшим к власти идиотов и преступников. Или пропускавшим — если таково было веление времени. Разум и ответственность выборщиков всегда были ахиллесовой пятой демократических систем, и разные политические силы постоянно пытались либо ужесточить отбор, либо полностью открыть шлюзы — в зависимости от того, какое место занимали в рейтингах и где искали свою поддержку.

Помимо пассивного большинства и избирателей, были и избираемые. Лишь аристократы и коммунисты целенаправленно выращивали и обучали политиков, в других формациях они самозарождались среди избирателей волшебным путем, по Аристотелю, «из комка грязи и пучка перьев». Это были пассионарии, способные зажечь своей энергией массы, люди активные, но при этом достаточно рассудительные, чтобы не искать свою судьбу на Фронтире. Это были люди, одержимые идеей или одержимые идеей власти, люди, которые хотели чего-то добиться или просто оставить след в Истории. На пути к вершине они проходили сложный многоступенчатый партийный отбор или создавали партию вокруг себя, становясь центрами кристаллизации общественных тенденций. В любом случае их попадание в политическую обойму было закономерным результатом напряженной работы и долгого пути.

Но порой люди в политику попадали очень быстро и очень странным образом.

С. В. Голд

Двойная звезда

1

Если за столик к вам подсаживается человек, одетый как последняя деревенщина, но при этом держится так, будто за столбил все вокруг и не прочь прикупить еще, он наверняка из космолетчиков.

Ничего удивительного. На службе он — Хозяин Вселенной, а когда ноги его попирают низменный прах земной — понятно, вокруг сплошь одни «кроты» — сидят, нос из норы высунуть боятся. Что до костюма — какой спрос с человека, который девять десятых своего времени не вылезает из летной формы? А если глубокий космос тебе привычной цивилизации, трудно уследить, как нынче одеваются в обществе. И потому любой космопорт — отличная кормушка для целой тучи этих, прости господи, «портных». Они-то всегда радешеньки обслужить еще одного простака «по последней земной моде».

Я с первого взгляда понял, что этого здорovenного мало-го угораздило довериться Омару Палаточнику. И без того широченные плечи еще и подложены, шорты такие короткие, что, когда хозяин их сел, его волосатые ляжки оказались у всех на виду, сорочка в оборках, которая, возможно, хорошо смотрелась бы на корове.

Но свое мнение я оставил при себе и на последний полуимпериал угостил его выпивкой, сочтя это выгодным вложением капитала, — известно, как космолетчики обращаются с деньгами.

Мы сдвинули стаканы.

— Ну, чтоб сопла не остыли!

Так я в первый раз допустил ошибку насчет Дэка Бродбента. Вместо обычного: «И ни пылинки на трассе» или, скажем, «Мягкой посадки», он, оглядев меня с ног до головы, мягко возразил:

— С чувством сказано, дружище, только с этим — к кому-нибудь другому. Сроду там не бывал.

Вот тут бы мне опять-таки не соваться со своим мнением. Космолетчики вообще нечасто заглядывают в бар «Каса Маньяна» — не любят они подобных заведений, и от порта не близко. И раз уж один такой завернул — в «земном» наряде, да еще забрался в самый темный угол и не хочет, чтобы в нем узнавали космолетчика, — его дело. Я ведь и сам выбрал этот столик, имея в виду обозреть окрестности, не засвечиваясь, — наодалживал по мелочи у того, у другого. Ничего особенного, однако иногда достаёт. Так мог бы и догадаться, что малый тоже себе на уме, и отнестись соответственно...

Но язык — он, знаете, без костей. Мелет сам по себе что ни попадя.

— Не надо, ладно? Как говорится, моряк моряка... Так что если вы — крот, то я — мэр Тихо-Сити. И могу поспорить, на Марсе пьете куда чаще, чем на Земле, — добавил я, подметив, как плавно он поднимает стакан, — сказывается привычка к невесомости.

— Сбавь голос, парень, — процедил он, почти не шевеля губами. — Почему ты так уверен, что я... «дальнобойщик»? Мы что, знакомы?

— Пардон, — отозвался я, — будьте кем угодно, имеете право. Но я же не слепой! А вы только вошли — с головой себя выдали.

Он что-то пробормотал себе под нос.

— Чем это?

— Да успокойтесь. Вряд ли еще кто заметил. Я — дело другое.

Сознаюсь, люблю производить впечатление, и с этими словами я подал ему визитную карточку. Да-да, именно! Тот самый Лоренцо Смайт — Великий Лоренцо, един во всех лицах: стереовидение, кино, драма — «Несравненный мастер пантомимы и перевоплощений».

Все это здоровяк принял к сведению и сунул карточку в карман на рукаве. Мог бы и вернуть, с досадой подумал я. Визитки — прекрасная имитация ручной гравировки — обошлись мне недешево.

— Ага, понял, — тихо ответил он. — Я что-то делал не так?

— Сейчас покажу. — Я поднялся. — До двери пройду, как крот, а обратно — изображу вас.

Так я и сделал и на обратном пути слегка окарикатурил его походку, чтобы даже непрофессионал уловил разницу: ступни скользят по полу мягко, будто по палубе, корпус — вперед и уравновешен бедрами, руки перед собой, тела не касаются и в любой момент готовы за что-нибудь ухватиться.

Ну и еще с дюжину мелочей, которые словами не описать. В общем, чтобы так ходить, нужно *быть* космонавтом. Мышцы постоянно напряжены, баланс тела удерживается машинально — это вырабатывается годами. Горожанин всю жизнь гуляет по ровному твердому асфальту при нормальном земном притяжении и запросто может споткнуться об окур. Другое дело — космонавт.

— Понятно? — спросил я, усаживаясь на место.

— Да уж, — с кислым видом согласился он. — И это я... на самом деле так хожу?

— Увы.

— Хм... Пожалуй, стоит взять у вас несколько уроков.

— А что, это идея, — заметил я.

Некоторое время он молча меня рассматривал, потом, видимо, собрался что-то сказать, но передумал и сделал знак бармену, чтобы тот налил нам еще. Незнакомец единым духом проглотил свою порцию, расплатился за обе и плавно, без резких движений, поднялся, шепнув мне:

— Подождите.

Раз уж он поставил мне выпивку, отказывать не стоило, да и не хотелось. Этот парень меня заинтересовал. Он даже понравился мне, пусть я знал его какие-то десять минут. Знаете, бывают такие нескладно-обаятельные увальни, внушающие мужчинам уважение, а женщинам — желание сломя голову бежать следом.

Грациозной походочкой он пересек зал, обогнув у двери столик с четырьмя марсианами. Терпеть не могу марсиан. Это ж надо — пугала пугалами, вроде пня в тропическом шлеме, а считают себя человеку равней! Видеть спокойно не мог, как они выпускают эти свои ложнолапы — будто змеи из нор выползают. И смотрят они сразу во все стороны, не повора-

чивая головы — если, конечно, можно назвать *это* головой! А уж *запах* их просто не выносил!

Нет, вы не подумайте, никто не может сказать, будто я — расист. Плевать мне, какого человек цвета и кому молится. Но то — человек! А марсиане... Не звери даже, а не разбери что! Лучше уж дикого кабана рядом терпеть. И то, что их наравне с людьми пускают в рестораны, всегда возмущало меня до глубины души. Однако на этот счет есть договор; хочешь не хочешь — подчиняйся.

Когда я пришел, тех четверых здесь не было — я бы унюхал. Демонстрируя незнакомцу его походку, тоже их не видел. А тут — нарисовались, попробуй сотри — стоят вокруг стола на своих «подошвах», корчат из себя людей... Бармен — тоже, хоть бы кондиционер не поленился включить!

Вовсе не даровая выпивка удерживала меня за столом — надо же было дожждаться своего «благодетеля», раз обещал. И тут меня осенило: прежде чем уйти, он как раз глядел в сторону марсиан. Может, это он из-за них? Я попытался понять, наблюдают они за нашим столиком или нет, но как понять, куда марсианин смотрит и о чем думает? Вот за это тоже их не люблю.

Какое-то время я занимался своей выпивкой и гадал, куда же подевался мой приятель-космолетчик. Была у меня надежда, что благосклонность его примет, скажем, форму обеда, а если мы проникнемся друг к другу симпатией, то, возможно, и беспроцентной ссуды. Прочие виды на будущее, честно говоря, удручали — дважды уже звонил своему агенту и натыкался на автоответчик. А ведь дверь номера не пустит меня ночевать, если я не найду для нее монетки. Да, да, я пал столь низко, что спал в конуре с автооплатой.

Вконец погрязнуть в черной меланхолии не позволил официант, тронувший меня за локоть:

— Вам вызов, сэр.

— А? А, спасибо, приятель. Тащите сюда аппарат.

— Простите, сэр, не могу. Это в вестибюле, кабина двенадцать.

— Благодарю вас. — Я вложил в ответ столько душевности, сколько стоили чаевые, которых у меня не было. Как можно дальше обойдя марсиан, я выбрался в вестибюль.

Здесь стало понятно, почему аппарат не подали к столу. Номер 12 оказался кабиной повышенной защиты, полностью недоступной для подглядывания, подслушивания и тому подобного. Изображения в стереокубе не было и не появилось, даже когда я закрыл за собой дверь. Куб сиял белизной, пока я не сел, так что лицо мое оказалось напротив передатчика. Опалесцирующее сияние наконец рассеялось, и на экране появился давешний незнакомец.

— Извините, пришлось вас покинуть, — быстро заговорил он, — я должен был спешить. У меня есть к вам дело. Приходите в «Эйзенхауэр», номер две тысячи сто шесть.

И опять без всяких объяснений! «Эйзенхауэр» подходит для космолетчика ничуть не больше, чем «Каса Маньяна». Похоже, попахивает от этого дельца: кто ж станет так настойчиво зазывать в гости случайного знакомого из бара? Если, конечно, речь не о лице противоположного пола.

— А зачем? — спросил я.

Космолетчик, похоже, к возражениям не привык. Я наблюдал с профессиональным интересом: выражение его лица не было сердитым, о нет — оно скорее напоминало грозную тучу перед бурей. Но он взял себя в руки и ответил спокойно:

— Лоренцо, у меня нет времени на болтовню. Вам нужна работа?

— *Ангажемент*, вы хотите сказать?

Я отвечал медленно. На какой-то ужасный миг мне показалось, что он предлагает мне... Ну, знаете, работу — когда *работают*. До сих пор я не поступался профессиональной честью, несмотря на пращи и стрелы яростной судьбы.

— Разумеется ангажемент, самый настоящий! — быстро ответил он. — И нужен самый лучший актер, какой только есть.

Я изо всех сил постарался сохранить на лице невозмутимость. Да я согласился бы на любой ангажемент — даже на роль балкона в «Ромео и Джульетте». Но нанимателю это знать совершенно ни к чему.

— А именно? У меня довольно плотный график.

Но он на это не купился.

— Остальное не для видеодона. Может, вы и не знаете, но я вам скажу: есть оборудование и против этой защиты. Давайте скорей сюда!

Похоже, я был нужен ему позарез. А раз так, можно было немного и поломаться.

— Вы за кого меня держите? Я вам что, мальчик на побегушках? Юнец, готовый на все ради привилегии сказать полторы реплики? Я — Лоренцо! — Тут я, задрав подбородок, принял оскорбленный вид. — Что вы предлагаете? Только конкретно.

— А, чтоб вас! Не могу я об этом по видео. Сколько вы обычно берете?

— Мм... Вы спрашиваете про гонорар?

— Да, да!

— За выход? Или за неделю? Или, может, вы имеете в виду длительный контракт?

— Вздор, вздор. Сколько вы берете за вечер?

— Моя минимальная ставка — сто империалов за выход.

Здесь я, между прочим, не врал. Да, порой мне приходилось платить чудовищные откаты, но в чеке всегда стояла сумма не меньше моей минимальной ставки. Человек должен себя уважать. Лучше уж затяну ремень потуже да немного перетерплю.

— Ладно, — тут же отозвался он, — сотня ваша, как только вы здесь появитесь. Только поскорей!

— А?

Лишь сейчас до меня дошло, что можно было заломить и двести, и даже двести пятьдесят.

— Но я еще не согласился!

— Вздор! Обговорим это у меня. Сотня в любом случае ваша. А если согласитесь, назовем ее, скажем, премией сверх гонорара. Ну идете вы, наконец?

— Сейчас, сэр. — Я поклонился. — Подождите немного.

К счастью, от «Касы» до «Эйзенхауэра» недалеко — ехать мне было бы не на что. Но хотя искусство пешей ходьбы в наше время утрачено, я-то им владел в совершенстве, а пока шел — собрался с мыслями. Не дурак ведь — прекрасно понимал, если кто-то так настойчиво предлагает ближнему своему деньги, для начала стоит оценить карты. Наверняка

здесь что-то опасное или противозаконное. Или то и другое сразу. Соблюдение законов меня беспокоило мало — закон частенько оказывается идиотом, как сказал Бард, и я обеими руками его поддерживаю. Однако, как правило, стараюсь «не занимать левый ряд».

Пока что фактов было недостаточно, а потому — не стоило брать в голову. Я закинул плащ на плечо и шел, наслаждаясь мягкой осенней погодой и запахами большого города.

Парадным входом я пренебрег и поднялся пневмотрубой из цоколя на двадцать первый этаж. Что-то подсказывало: здесь не место и не время для встреч с восторженной публикой.

На стук отворил мой приятель-«дальнобойщик».

— Долго вы добирались, — буркнул он.

— М-да?

Я пропустил замечание мимо ушей и огляделся. Номер, как я и думал, оказался из дорогих, однако каков бардак! Я насчитал не меньше дюжины невымытых стаканов и столько же кофейных чашек — судя по всему, народу здесь уже побывало тьма. С дивана сердито уставилась какая-то незнакомая личность — наверняка тоже космолетчик. Мой вопросительный взгляд остался без ответа, — похоже, знакомство в программу вечера не входило.

— Наконец-то! Итак, к делу.

— ...Которое, — подхватил я, — напоминает о некоей премии или, скажем, авансе...

— А, верно.

Он обернулся к лежавшему на диване:

— Джок, заплати.

— За что?

— *Заплати!*

Теперь стало ясно, кто здесь главный. Хотя будущее показало, что, если в помещении находился Дэк Бродбент, вопрос «кто тут главный» решался однозначно. Джок мгновенно поднялся и, все еще хмурясь, отслюнил мне полусотенную и пять десятков. Я спрятал деньги, не пересчитывая, и сказал:

— К вашим услугам, джентльмены.

Здоровяк пожевал губами:

— Для начала я хотел бы, чтоб вы поклялись не заикаться об этой работе даже во сне.

— Если вам мало моего слова, то чем лучше будет клятва? — Я обратился ко второму, который вновь улегся на диван: — Нас, похоже, не представили. Меня зовут Лоренцо.

Он мельком глянул на меня и отвернулся. Мой знакомый из бара поспешно вставил:

— Имена тут ни к чему.

— Да? Знаете, мой незабвенный родитель на смертном одре взял с меня клятвенное обещание: во-первых, не мешать виски ни с чем, кроме воды, во-вторых, не читать анонимных писем, а в-третьих, не иметь дел с человеком, не желающим себя называть. Удачи вам, господа!

Я направился к выходу. Сотня империялов приятно согрела меня сквозь карман.

— Погодите!

Я остановился.

— Ладно, вы правы. Меня зовут...

— *Капитан!*

— Да брось ты, Джок. Мое имя — Дэк Бродбент, а этого невежу зовут Жак Дюбуа. Оба мы «дальнобойщики», пилоты-универсалы: любые корабли, любые ускорения.

— Лоренцо Смайт, — скромно раскланялся я. — Лицедей и подражатель, член клуба «Агнцы».

Кстати, когда я в последний раз платил членские взносы?

— Замечательно. Джок, хоть улыбнись для разнообразия! Ну как, Лоренцо, сохраните вы наше дело в секрете?

— Буду нем как могила. Слово джентльмена джентльмену.

— Независимо от того, возьметесь ли?

— Независимо от того, достигнем мы соглашения или нет. Я человек слова, и, если ко мне не применят незаконных методов допроса, ваш секрет умрет вместе со мной.

— Лоренцо, я прекрасно знаю, что делает с человеком неоексокаин. Невозможного мы с вас не спросим.

— Дэк, — торопливо встрял Дюбуа, — погоди. Надо хотя бы...

— Заткнись, Джок. На этом этапе я не хочу прибегать к гипнозу. Так вот, Лоренцо, для вас есть работа — как раз по части перевоплощений. И перевоплощение должно быть та-

кое, чтобы никто — ни одна живая душа не заметила разницу с оригиналом. Вы это сможете?

Я сдвинул брови:

— Не понял — смогу или захочу? Вам, собственно, для чего?

— Детали обсудим позже. В двух словах — нам нужен дублер для одного весьма популярного человека. Загвоздка в том, что надо обмануть даже тех, кто его знает близко. А это немало сложнее, чем принимать парад с трибуны или вручать медали скаутам. — Он пристально посмотрел мне в глаза. — Тут должен быть настоящий мастер, Лоренцо.

— Нет, — тотчас ответил я.

— Вот тебе раз... Вы же еще ничего толком не знаете! Если вас мучает совесть, так могу вас успокоить: тому, кого вы сыграете, вреда от этого никакого. И ничьих законных интересов не ущемляет. Мы вынуждены его подменять.

— Нет.

— Но почему, черт возьми?! Вы даже не представляете, сколько мы можем вам заплатить!

— Не в деньгах дело, — твердо отвечал я. — Я актер. А не дублер.

— Ничего не понимаю! Туча актеров кормится тем, что копирует знаменитостей!

— Ну, это — шлюхи, а не актеры. Я так не хочу. Кто уважает литературных негров? Или художников, позволяющих другому подписаться под своей работой ради *денег*? В вас нет творческой жилки. Чтобы было понятней, вот вам такой пример: стали бы вы — ради *денег* — принимать управление кораблем, пока кто-то другой гуляет в вашей форме по палубе и, ни бельмеса в вашем деле не смысла, называется пилотом экстра-класса? Стали бы?

— А за сколько? — фыркнул Дюбуа.

Бродбент метнул в него молнию из-под бровей:

— Да, похоже, я вас понимаю.

— Для артиста, сэр, первым делом — признание. А деньги — так... Подручный материал, благодаря которому мы можем творить свое искусство.

— Хм. Ладно. Ради денег вы за это братья не хотите. А если, скажем, вы убедитесь, что никто, кроме вас, тут не справится?

— Может быть. Хотя трудноато вообразить подобные обстоятельства.

— Зачем воображать. Мы сами все объясним.

Дюбуа вскочил с дивана:

— Погоди, Дэк! Ты что, хочешь...

— Сиди, Джок! Он должен знать.

— Не сейчас и не здесь! И ты никакого права не имеешь подставлять всех из-за него! Ты еще не знаешь, что он за птица.

— Ну, это — допустимый риск.

Бродбент повернулся ко мне. Дюбуа сцапал его за плечо и развернул обратно:

— К чертям твой допустимый риск! Дэк, мы с тобой давно работаем в паре, но если сейчас ты раскроешь пасть... Кто-то из нас уж точно больше ее никогда не раскроет!

Казалось, Бродбент удивлен. Глядя на Дюбуа сверху вниз, он невесело усмехнулся:

— Джок, старина, ты уже настолько подрос?

Дюбуа свирепо уставился на него. Уступать он не хотел. Бродбент был выше его на голову и фунтов на двадцать тяжелей. Я поймал себя на том, что Дюбуа мне, пожалуй, симпатичен. Меня всегда трогала дерзкая отвага котенка, бойцовский дух бентамского петушка или отчаянная решимость «маленького человека», восклицающего: «Умираю, но не сдаюсь!» И так как Бродбент, похоже, не собирался его убивать, я решил, что Джоком сейчас подотрут пол.

Вмешиваться я, однако, не собирался. Всякий волен быть битым, когда и как пожелает.

Напряжение между тем нарастало. Вдруг Бродбент расхохотался и хлопнул Дюбуа по плечу:

— Молоток!

Затем повернулся ко мне и спокойно сказал:

— Извините, мы вас оставим ненадолго. Мне с моим другом надо... кое о чем переговорить.

Номер, как и все подобные номера, был оборудован «тихим уголком» с видео и автосекретарем. Бродбент взял Дюбуа под локоть и отвел туда. Между ними сразу же завязалась оживленная беседа.

В дешевых гостиницах такие «уголки» не всегда полностью глушат звук. Однако «Эйзенхауэр» — отель люкс и обо-

рудование, конечно, имел соответствующее. Я мог видеть, как шевелятся их губы, но при этом не слышал ни звука.

Впрочем, губ мне было достаточно. Лицо Бродбента находилось прямо передо мной, а Дюбуа отражался в стенном зеркале напротив. Когда-то я был неплохим «чтецом мыслей» и не раз с благодарностью вспоминал отца, лупившего меня до тех пор, пока я не освоил безмолвный язык губ. «Читая» мысли, я требовал, чтобы зал был ярко освещен, и пользовался очками с... Ну, это не важно. В общем, по губам я читать умел.

Дюбуа говорил:

— Дэк, ты безмозглый, неисправимый и совершенно невозможный придурок! Ты, может, желаешь со мной на пару загреть на Титан — считать бульжники? Да это самодовольное ничтожество тут же в штаны наложит!

Я чуть не проморгал ответ Бродбента. Ничтожество, это ж надо! Самодовольное! Помимо вполне трезвой оценки своей гениальности, я всегда полагал себя человеком, в общем-то, скромным...

Бродбент: «...не важно, что карты с подвохом, когда заведение в городе одно. Джок, выбирать нам не из чего!»

Дюбуа: «Ну так привези сюда дока Чапека, пусть применит гипноз, веселящего вколет... Но не вздумай ему открываться, пока он не созрел и пока мы на грунте!»

Бродбент: «Чапек сам говорил, что на один гипноз да химию надежды никакой. Нужно, чтобы он сотрудничал с нами, понимаешь, сотрудничал! Сознательно!»

Дюбуа фыркнул: «Какой там „сознательно“ — ты посмотри на него! Видал когда-нибудь петуха, вышагивающего по двору? Да, с виду этот тип вылитый шеф, черепашка такой же формы... Но внутри-то она пустая! Нервишки не выдержат, сорвется и все испортит! Ни за что такому не сыграть, как надо, — он не актер, а одно название!»

Если бы бессмертного Карузо обвинили в том, что он «пустил петуха», он и то бы не оскорбился сильнее. Однако, думаю, в тот миг я не посрамил мантию Бёрбеджа и Бута, так как продолжал спокойно полировать ногти. Впрочем, про себя я решил, что в один прекрасный день заставлю приятеля Дюбуа сперва смеяться, а затем — плакать, и все это в течение двадцати секунд. Я подождал еще немного, поднялся

и направился в «тихий уголок». Они моментально заткнулись. Тогда я негромко сказал:

— Бросьте, господа. Я передумал.

Дюбуа несколько расслабился:

— Так вы отказываетесь?

— Я имею в виду, вы меня ангажировали. И можете ничего не объяснять. Дружище Бродбент уверял, что работа не побеспокоит мою совесть. Я ему верю. Насколько я понял, нужен актер. Деловые заботы моего продюсера меня не касаются. Я согласен.

Дюбуа разозлился, но промолчал. Я думал, Бродбент будет доволен и перестанет нервничать, но он обеспокоился пуще прежнего.

— Ладно, — согласился он, — продолжим. Лоренцо, не могу сказать, на какой срок вы понадобитсяе. Но не больше нескольких дней. И то играть придется раз или два — по часу, примерно.

— Это не так уж важно. Главное, чтобы я успел как следует войти в роль... Так сказать, перевоплотился. Но все же — сколько дней я буду занят? Нужно ведь предупредить моего агента...

— Э нет. И речи быть не может.

— Но — сколько? Неделя?

— Меньше. Иначе — мы идем ко дну.

— А?

— Ничего, не обращайтесь внимания. Сто имперялов в день вас устроят?

Я немного помялся, но вспомнил, как легко он выложил сотню за короткий разговор со мной, и решил, что самое время побыть бескорыстным. Я махнул рукой:

— Это — потом. Не сомневаюсь, вы заплатите гонорар, соразмерный важности моей работы.

— Отлично.

Бродбент в нетерпении повернулся к Дюбуа:

— Джок, свяжись с ребятами. Потом позвони Лэнгстону, скажи: начинаем по плану «Марди Гра». Пусть сверяется с нами. Лоренцо...

Он кивнул мне, и мы прошли в ванную. Там он открыл небольшой ящичек и спросил:

— Сможете что-нибудь сообразить из этой ерунды?

Ерунда и есть — из тех непрофессиональных, но с претензией составленных гримерных наборов, какие приобретают недоросли, жаждущие славы великих артистов. Я оглядел его с легким презрением:

— Я так понимаю, сэр, вы хотите начать *прямо сейчас?* И без всякой подготовки?

— А? Нет-нет! Я хочу, чтобы вы... изменили лицо. Чтобы никто не узнал вас, когда мы отсюда выйдем. Это, наверное, не сложно?

Я холодно ответил, что быть узнаваемым — тяжелое бремя любой знаменитости. И даже не стал добавлять, что Велико-го Лоренцо во всяком публичном месте узнают толпы народу.

— О'кей. Тогда сделайте кем-нибудь другим.

Он круто повернулся и вышел. Я, покачав головой, осмотрел то, что Дэк считал моими орудиями производства. Грим — в самый раз для клоуна, вонючий театральный клей, фальшивые волосы, с мясом выдранные из ковра в гостинной тетушки Мэгги... Силикоплоти вообще ни унции, не говоря уж об электрощетках и прочих удобных новинках нашего ремесла. Но если ты действительно мастер, то способен творить чудеса, обходясь лишь горелой спичкой или тем, что найдется на любой кухне. Плюс собственный гений, разумеется. Я поправил свет и углубился в творческий поиск.

Есть разные способы делать знакомое лицо незнакомым. Простейший — отвлечь внимание. Засуньте человека в мундир, и его лица никто не заметит. Ну-ка, припомните *лицо* последнего встреченного вами полисмена! А смогли бы вы узнать его в штатском? То-то. Можно также привлечь внимание к отдельной детали лица. Приклейте кому угодно громадный нос, украшенный к тому же малиново-красным прыщом. Какой-нибудь невежа в восторге уставится на этот нос, а человек воспитанный — отвернется. И никто не запомнит ничего, кроме носа.

Но этот примитив я отложил до другого раза. Моему на-нимателю, как я понял, требовалось, чтобы меня не заметили вовсе. Это уже потрудней: обращать на себя внимание куда легче. Требовалось самое распростецкое, незапоминающееся лицо, вроде истинного лица бессмертного Алека Гиннеса.

Мне же с физиономией не повезло: слишком уж она аристократически утонченна, слишком красива — худшее из неудобств для характерного актера. Как говаривал отец: «Ларри, ты чересчур смазлив! Если вместо того, чтобы учиться ремеслу, будешь валять дурака, то пробегаешь лет пятнадцать в мальчиках, воображая, что ты актер, а остаток жизни проторчишь в фойе, торгуя леденцами. „Дурак“ и „красавчик“ — два самых оскорбительных амплуа в шоу-бизнесе, и оба тебе под стать».

Потом он доставал ремень и начинал стимулировать мой мозг. Отец был психологом-практиком и свято верил, что регулярный массаж *gluitei maximi*¹ посредством ремня весьма способствует оттоку лишней крови от детского мозга. Теория, возможно, хлипковата, но результаты налицо: когда мне стукнуло пятнадцать, я делал стойку на голове на слабо натянутом канате, декламировал страницу за страницей из Шекспира и Шоу, а из прикуривания сигареты мог устроить целый спектакль.

Я все еще размышлял, когда Бродбент заглянул в ванную.

— Да господи ты боже!.. — завопил он. — Вы и не начинали?

Я холодно глянул на него:

— Я так понял — вам нужна моя лучшая творческая работа. А сможет, к примеру, повар, будь он хоть *cordons bleu*², приготовить какой-нибудь новый соус, сидя на лошади, скачущей галопом?

— К дьяволу всех лошадей! — Он посмотрел на часы. — У вас еще шесть минут. Если не уложите, придется выходить как есть.

Ладно. Конечно, времени бы побольше, однако я дублировал отца в его коронном номере «Убийство Хьюи Лонга» (пятнадцать лиц за семь минут) и однажды сыграл на девять секунд быстрее!

— Стойте, где стоите, — бросил я. — Момент.

И я стал Бенни Греем — ловким, неприметным человеком, убивающим направо и налево в «Доме без дверей». Два

---

¹ Большие ягодичные мышцы (*лат.*).

² Шеф-повар, выдающийся кулинар (*фр.*).

легких мазка от крыльев носа к уголкам рта — для придания щекам безвольности, мешки под глазами и землистый «Макс Фактор № 5» поверх всего. На все около двадцати секунд — я мог бы наложить этот грим во сне. «Дом» выдержал девятьюно два представления, прежде чем его записали на видео.

Я повернулся к Бродбенту. Тот ахнул:

— Господи! Прямо не верится...

Продолжая быть Бенни Греем, я даже не улыбнулся. Он и вообразить не мог, что вполне можно обойтись без грима! С гримом, конечно, проще, но мне он нужен был исключительно для Бродбента. Тот в простоте душевной полагал, что все дело в краске да пудре.

А Бродбент все еще глазел на меня.

— Слушайте, — умерив голос, протянул он, — а нельзя ли проделать такое со мной? Только быстро.

Я уже собрался ответить «нет», но тут понял, что это своего рода вызов моему мастерству. Ужасно захотелось сказать: попади он в руки моему отцу пятилетним, сейчас был бы готов торговать на улице сахарной ватой. Однако я придумал нечто получше:

— Вы просто хотите, чтобы вас не узнали?

— Да-да! Можно меня наштукатурить как следует, налепить фальшивый нос или еще чего?

Я покачал головой:

— Как бы я вас ни «штукатурил», все равно будете не лучше мальчишки на Хеллоуин. Играть-то вы не умеете, и учиться поздновато. Ваше лицо трогать не будем.

— Все же... Если приделать мне этакий рубильник...

— Послушайте, «этакый рубильник» только привлечет к вам внимание, будьте уверены! Как вам понравится, если кто-нибудь из знакомых, увидев вас, скажет: «А здорово этот верзила похож на Дэка Бродбента! Прямо вылитый, разве что нос другой»?

— А? Меня такое устроит. То есть пока он уверен, что это не я. Я-то сейчас должен быть... В общем, на Земле меня нет.

— Он будет абсолютно уверен, что это не вы. Походка — вот ваша основная беда. Мы ее поменяем, и это будете вовсе не вы, а любой другой высокий, плечистый парень, немного смахивающий на Дэка Бродбента.

— О'кей. Как я должен ходить?

— Нет, вы этому не научитесь. Мы *заставим* вас ходить, как надо.

— Это как?

— Насыплем мелких камешков в носки башмаков. Это вынудит вас опираться больше на пятки и ходить прямее. Таким образом, вы избавитесь от скрюченности и кошачьих повадок космолетчика. Мм... А лопатки стянем клейкой лентой, чтобы вы не забывали расправлять плечи. Этого будет вполне достаточно.

— Думаете, стоит изменить походку, и меня не узнают?

— Мало того — никто не сможет сказать, почему так уверен, что перед ним не вы. Подсознательная уверенность не оставит никаких сомнений. Можно, если хотите, поработать еще и с лицом, просто ради вашего спокойствия...

Мы вышли из ванной. Я, конечно, оставался Бенни Грем: если уж вошел в роль, требуется некоторое усилие, чтоб вновь стать самим собой. Дюбуа занимался видеофоном. Он поднял глаза, увидел меня, и у него отвисла челюсть. Джок, как ошпаренный, вылетел из «тихого уголка» и заорал:

— Это еще кто? Где актер?

На меня он посмотрел лишь мельком: Бенни Грей — этакий вялый, неприглядный мужичонка, смотреть не на что.

— Какой актер? — поинтересовался я ровным, бесцветным голосом Бенни.

Дюбуа одарил меня еще одним взглядом и вновь отвернулся бы, кабы не обратил внимания на одежду. Бродбент, расхохотавшись, хлопнул товарища по плечу:

— Тебе, помнится, не нравилась его игра?

Затем уже другим тоном:

— Со всеми успел связаться?

— Д... да. — Дюбуа, совершенно убитый, еще раз посмотрел на меня и отвел взгляд.

— О'кей. Через четыре минуты нужно сваливать. Посмотрим, Лоренцо, как быстро вы обработаете меня.

Дэк успел снять ботинок, куртку и взялся за сорочку. Тут засветился сигнал над дверью и зажужжал зуммер. Дэк застыл:

— Джок, мы что, ждем кого-то?

— Это Лэнгстон, наверно. Он говорил — может, успеет заскочить до того, как мы отчалим.

Дюбуа направился к двери:

— Не похоже. Это скорее...

Я так и не успел узнать, на кого похоже это скорее. Дюбуа отворил. В дверях, будто гигантская поганка из ночного кошмара, стоял марсианин.

Какое-то время я не видел ничего, кроме марсианина. И не замечал ни Жезла Жизни в его ложнолапах, ни человека за его спиной.

Марсианин скользнул в комнату, человек последовал за ним. Дверь захлопнулась.

— Добрый день, господа, — проквакал марсианин. — Уже уходите?

Меня скрутил острый приступ ксенофобии. Дэк, запутавшийся в рукавах сорочки, был вне игры. Но малыш Джок Дюбуа проявил подлинный героизм и стал мне больше чем братом. После смерти, к сожалению...

Он бросился на Жезл, заслонив собой нас.

Скорее всего, Джок умер еще прежде, чем упал. В животе его зияла дыра, куда свободно прошел бы кулак. Но перед смертью он успел сжать в руках ложнолапу и, падая, не отпустил. Она вытянулась, словно сливочная тянучка, и лопнула у самого основания. Несчастный Джок продолжал сжимать Жезл в мертвых пальцах.

Человеку, пришедшему с этой вонючкой, пришлось отскочить, чтобы достать пушку. И тут он прокололся: нужно было пристрелить сперва Дэка, а затем меня. Вместо этого он пальнул в мертвого Джока, а второго выстрела Дэк ему не оставил, попав точно в лоб. Ишь ты, а я и не знал, что Дэк при оружии!

Марсианин даже не пытался смыться. Поднявшись, Дэк подошел к нему и сказал:

— А, Рррингрийл. Вижу тебя.

— Я вижу тебя, капитан Дэк Бродбент, — проквакал марсианин. — Ты скажешь моему Гнезду?

— Я скажу твоему Гнезду, Рррингрийл.

— Благодарю тебя, капитан Дэк Бродбент.

Длинный костлявый палец Дэка целиком вошел в ближайший глаз марсианина, достав, похоже, до самого мозга. Дэк выдернул палец — весь он был вымазан отвратительной зеленоватой слизью. В агонии тварь втянула ложнолапу в «ствол», но даже мертвая оставалась стоять на своей подошве. Дэк бросился в ванную, там зашумела вода. Я застыл в столбняке, не в силах двинуться с места, совсем как сдохший Рррингрийл.

Появился Дэк, вытирая руки о рубаху:

— Нужно их убрать, и быстро!

Ничего себе — «вытри стол»!

Я решил выяснить отношения. Одной, довольно путаной, фразой объяснил ему, что в это дело вступать не желаю, что теперь нужно вызывать полицию, и я хочу свалить до того, как здесь будут ищейки, и пошел он — не скажу куда — со своими перевоплощениями, а я намерен, расправив крылышки, упорхнуть в окно. Дэк отмахнулся:

— Не трясись, Лоренцо. Мы в цейтноте. Помоги-ка оттащить их в ванную.

— А? Бог с тобой! Запрет номер, и ноги в руки! Авось на нас не подумают.

— Авось не подумают, — согласился он, — никто не знает, что мы здесь. Но они без труда догадаются, что Джока убил Рррингрийл. Вот *этого* допустить нельзя. Сейчас — нельзя.

— А?

— Мы не можем позволить газетчикам растрезвонить, что марсианин убил человека! Заткнись и помогай.

Я заткнулся и стал помогать. К счастью, мне вспомнилось, что Бенни Грей был худшим из маньяков-садистов, когда-либо баловавшихся расчлененкой. Он-то и оттащил оба тела в ванную, пока Дэк, вооружившись Жезлом, довольно умело разделял Рррингрийла на мелкие кусочки. Первый надрез он постарался провести так, чтобы не задеть мозговой полости, и проделал это довольно чисто. Однако помочь ему я все равно бы не смог. По-моему,дохлый марсианин воняет куда хуже живого.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. В. Голд. Между Сциллой и Харибдой</i>	5
ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА	
<i>Перевод А. Етоева, М. Пчелинцева, Д. Старкова</i>	7
ЗВЕЗДНЫЙ ДЕСАНТ	
<i>Перевод Г. Корчагина</i>	171
<i>С. В. Голд. О романах «Двойная звезда» и «Звездный десант»</i> ...	440
<i>Примечания. Е. Доброхотова-Майкова, Г. Корчагин</i>	467

Хайнлайн Р.

Х 15 Двойная звезда ; Звездный десант : романы / Роберт Хайнлайн ; пер. с англ. А. Етоева, Г. Корчагина, М. Пчелинцева и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 480 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-15191-8

Под одной обложкой — два классических романа корифея американской фантастики, два знаменитейших произведения за всю историю жанра, и оба — лауреаты премии «Хьюго».

Лоуренс Смит — он же Лоренцо Смайт, «несравненный мастер пантомимы и перевоплощений», — сидит на мели и готов схватиться за любой ангажемент. И когда космолетчики, отчаянно, но безуспешно пытающиеся выглядеть обычными землянами, предлагают ему на несколько дней перевоплотиться в некую публичную фигуру, Лоренцо не видит причин для отказа. Но тут же судьба выкидывает немислимый фортель: Лоренцо вынужден лететь на Марс — хотя марсиан ненавидит всеми печенками; вынужден изображать лидера Партии Экспансионистов — хотя экстремисты из Партии Человечества ему, несомненно, ближе; вынужден слиться со своей ролью до невероятного...

Землю атакует страшный враг — цивилизация разумных насекомых. Понять их, договориться с ними невозможно — остается только уничтожить, пока не уничтожили тебя. И только если ты перенес эту боль, эти лишения — ты получаешь право решать за других. «Я пытался выявить... некую фундаментальную основу поведения человека, и я пришел к выводу, что единственная основа, которая не требует бездоказательных предположений, — это вопрос выживания» — так обозначил Хайнлайн главную тему «Звездного десанта» в письме другому классику, Теодору Старджону. Ну а Пол Верховен в своей шумевшей экранизации классического романа сатирически заострил хайнлайновскую «милитаристскую утопию», которая, если приглядеться, не слишком отличима от антиутопии.

«Двойная звезда» публикуется в новой редакции, «Звездный десант» (также известный как «Звездная пехота», «Солдаты космоса» и т. п.) — в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА
ЗВЕЗДНЫЙ ДЕСАНТ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Екатерина Доброхотова-Майкова
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Ирина Киселева, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.03.2019. Формат издания 84 × 108 1/32.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 25,2. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AFA-23566-01-R